

СЕРЕБРЯНЫЕ ПИСЬМА

АЛИСА ЛУНИНА

Петербургский роман

Алиса Лунина

Серебряные письма

«Алиса Лунина»

2022

Лунина А.

Серебряные письма / А. Лунина — «Алиса Лунина»,
2022 — (Петербургский роман)

Все пути ведут в... Петербург. В кофейню «Экипаж», что на Фонтанке. Именно здесь лучший бариста северной столицы и просто хороший парень Леша Белкин варит свой фирменный эспрессо, а кондитер Манана создает десерты, за которые можно продать душу. Именно сюда, в город белых ночей и вечных дождей, приезжает Теона. Девушка бежит из родного солнечного Тбилиси, надеясь забыть безответную любовь и найти свое место в жизни. В старинной петербургской квартире, полной странных шорохов и мистических снов, Теона обнаруживает тайник. Случайная находка? Или сами тени прошлого оживают и зачем-то спешат поведать истории, случившиеся сто с лишним лет назад? Новая диалогия Алисы Луниной — галерея историй, развернутая во времени. Дореволюционный Петербург, красный Петроград, блокадный Ленинград, наши дни. Странный круг судьбы, связавший современников и потомков, сплетение реальности и мистики, лирического и трагического. Путь от первой, романтической любви до последней, вечной. ...Теплится огнями и светом свечей на столиках «Экипаж» и плывет сквозь время. А над Фонтанкой, как и прежде, кружит солнечный ветер. Ветер перемен, что несет не только горькие расставания, но и встречи, которые, даже спустя долгие годы и многие километры дорог непременно случаются у тех, кто любит и ждет. Ждать — вечный удел женщин в любую эпоху. Мужчины уходят сражаться за какие-то правды, а женщине суждено стоять у окна, высматривая тех, кто уже, быть может, никогда не придет...

Декабрь 1916 года. Санкт-Петербург. Ольга Ларичева и Сергей Горчаков любят друг друга, но из-за случайной ссоры взбалмошная красавица Ольга назло Сергею выходит замуж за своего поклонника Николая, которого любит ее младшая сестра, скромная Ксения. Мир, полный хаоса: красная осень 1917 года, мрачные тридцатые годы и блокада Ленинграда — окончательно разведет героев по разным дорогам, но судьба совершит полный круг, а ее серебряные нити-письма долетят отголосками далеких лет до наших дней, чтобы наконец-то освободить призраков прошлого от данных обещаний

и клятв. Книга является продолжением романа «На Фонтанке ожидается солнечный ветер» В оформлении обложки книги «Серебряные письма» задействована иллюстрация художника Алены Наливкиной.

© Лунина А., 2022
© Алиса Лунина, 2022

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алиса Лунина

Серебряные письма

Часть 1

Однажды

Глава 1

Снег

Санкт-Петербург
Декабрь, наше время

Ее безмятежная юность скрылась за поворотом; и зеленый Тбилиси, и кукольный театр, и живописные улочки, в которых смешная, неуверенная в себе девочка с копной кудрявых волос красила дома, чтобы добавить в этот мир немного красок, озорства и нежности, остались ярчайшим, солнечным воспоминанием. Завтра Теоне должно было исполниться двадцать лет.

Могла ли Теона год назад представить, что свой следующий, двадцатый день рождения она будет встречать в Петербурге? В этом странном городе с ужасным климатом, где количество ангелов может посоревноваться лишь с количеством загадок и тайн... Однако же каким-то, не иначе солнечным, отвечающим за перемены и потрясения ветром ее занесло за тридевять земель в это царство рек, расчерченных улиц-линий, великолепных дворцов, неприглядных дворов-колодцев, суровых, неприветливых с виду, но искренних и отзывчивых людей.

В это зябкое утро она возвращалась из Лешиной больницы через весь город. Ветер сегодня прямо-таки разбушевался – вон как вертится маленький кораблик-флюгер на крыше старого дома. Дует солнечный ветер, кораблик в петербургском небе плывет и раскачивается, будто на волнах во время морского шторма, и что-то ветер сейчас нагнетает, и чем это еще отзовется! Теона невольно поежилась – скорее бы укрыться в «Экипаже»! Но даже торопясь поскорее нырнуть в кофейню, она все же остановилась на соседней улице, чтобы помахать рукой скульптуре ангела, притулившейся на фасаде одного из домов. Ангел сегодня казался замерзшим и немного усталым (больше ста лет он дежурит на этой старой крыше и удерживает небо, словно он не хрупкий ангел, а мощный атлант).

– Держись! – прошептала ему Теона.

Да, кое-что за прошедшие полгода она про этот город уже поняла. К примеру, то, что здесь надо держать небо из последних сил. Ну а кто, кроме нас, его удержит? И вот так мы здесь и живем – небо все время падает, а мы все время (ангелы помогают нам, а мы немного – им), как атланты, его держим.

...Теона решила вечером отметить в «Экипаже» сочельник грядущего католического Рождества и свой завтрашний день рождения и по такому случаю пригласила на свой девичник Марию и Лину.

С самого утра непревзойденный маг от кулинарии Манана в своей алхимической лаборатории готовила для любимой племянницы и ее гостей традиционные рождественские угощения. Пока Манана нарезала, перемешивала, взбивала – творила разные кулинарные шедевры, Теона украшала кофейню. А за обслуживание посетителей в зале и бесперебойную подачу лучшего кофе сегодня отвечал Никита.

Вся команда кофейни в этот день была занята делом, и только где-то там, на той стороне Невы, в другом районе города, у больничного окна, маялся от тоски рулевой «Экипажа», бедолага Леша.

Утром, не выдержав, он было заикнулся Тее о том, что сегодня попросит врача его выписать. Но Тея в ответ выдала категоричное: «Белкин, и думать об этом забудь, тебе надо окончательно выздороветь! Пока врачи сами не сочтут нужным тебя отпустить, ты останешься в больнице!»

Леша пробурчал, что на больничной каше и жиденьком супе он тут загнется окончательно, но переубедить упрямую Тею ему не удалось. Она чмокнула его в щеку на прощание: «Столько дел сегодня, Лешка! А ты давай лечись!» – и умчалась. А он остался в этом скучнейшем больничном дне – ходил на перевязку, мерил шагами коридор, хандрил и все время думал о том, как там сейчас в «Экипаже».

А в «Экипаже» почти все было готово к сочельнику. Теона украсила еловые ветви шишками, лентами, фигурками ангелов, расположила в центре получившихся венков большие красные свечи и развесила рождественские венки по окнам. Кошка Лора с большим интересом наблюдала за тем, как Теона делает помандеры – украшает апельсины и мандарины звездочками гвоздики и палочками корицы; когда Теона на минуту отвлеклась, Лора мягкой лапкой столкнула один апельсин на пол и покатила его под столиком. Вскоре Теона соорудила целую волшебную гору помандеров; одни она связала вместе в гирлянды, другие разложила по вазам. Праздничное оформление кофейни завершали загоревшиеся на каждом столике рождественские звезды – красные огоньки пуансеттий.

...В этот вечер столик Ники расширили, придвинув к нему соседние.

На столе стояло обязательное рождественское блюдо – кутья с маком и медом (Манана предупредила Теону, что кутью нужно оставить на столе после ужина, потому что в ночь перед Рождеством души умерших возвращаются на землю и приходят на ужин к своим родным). В графине мерцал, источая неповторимый аромат яблок, груш, вишни, меда и кардамона, сваренный Мананой узвар; а на большом праздничном блюде красовался пирог «Двенадцатой ночи». И здесь же на столике, дожидаясь своего часа, лежали серебряное зеркало, старый нательный крест и полученное сегодня Теоной письмо.

Святой вечер начинался. Теона, Лина, Мария сидели у окна. Три женщины – три истории, три судьбы.

– Я должна вам кое-что рассказать, – сказала Теона. – Сегодня я получила письмо из Франции.

– Я тоже должна вам многое рассказать, – вздохнула Мария. – Правда, это будет долгая история.

– Но мы ведь никуда не торопимся, – улыбнулась Лина. – Впереди целая ночь.

Лина перевела взгляд – в доме напротив светилось окно Данилы. Этот свет в его окне рассеивал тьму и светил ей, как маяк, как утешение, как заверение в том, что Данила ждет ее.

Теона зажгла свечи, разлила в бокалы шампанское.

Лина вдруг охнула:

– Смотрите, это же... снег!

Сначала тихо, но постепенно набирая силу и скорость, с неба полетел снег.

Прильнув к окну, три женщины смотрели на этот первый, укрывающий город снег как на величайшее чудо.

Поначалу робкий, но быстро обернувшийся густым и щедрым, он летел и летел. И казалось, что летит он не только вниз, но и вверх; подобно времени – в разные стороны (ну кто сказал, что оно движется линейно?).

* * *

Петроград

Декабрь, 1916 год

Ксения сидела на широком подоконнике и смотрела на открывающийся из окна их с сестрой комнаты вид на Фонтанку. В этот тихий вечер сочельника на город обрушилась метель. Снег был таким крупным, что, казалось, тысячи белых птиц плывут над городом.

– Оля, да подойди же! – не выдержала Ксения. – Смотри, какое чудо!

Ее старшая сестра Ольга, сидевшая напротив окна за столом и вырезавшая из альбома нарисованных ею ангелов, отозвалась:

– Что еще за чудо?

– Снег! – улыбнулась Ксения. – Весь декабрь его ждали, и вот, наконец, дождались!

Ольга подошла к окну, взглянула на белое полотно Фонтанки и кивнула – да, красиво! Но поскольку в преддверии своего завтрашнего двадцатилетия барышня сейчас думала только о нем, она тут же перешла к главному.

– Ксюта, я пригласила на день рождения своих новых знакомых – Николая Свешникова и Сергея Горчакова.

Ольга присела на подоконник рядом с младшей сестрой.

– Твои новые кавалеры? – улыбнулась Ксения.

– Ну, разумеется, они оба в меня влюблены! – сказала Ольга с явным подтекстом «а разве может быть иначе?!».

А и впрямь – разве может быть иначе?! Разве в девятнадцатилетнюю Оленьку Ларичеву можно не влюбиться? Нет, ее, конечно, порой сложно вытерпеть, но не влюбиться в нее решительно невозможно! Разве что уж речь идет о совсем бесчувственном деревянном...

– Они оба ужасно мне нравятся, но этот Серж какой-то деревянный чурбан, право, – хмыкнула Ольга. – А вот Никола Свешников – совсем другое дело! С ним так интересно – он прямо-таки одержим идеей осчастливить человечество и все время говорит о революции! А еще он очень умный, красивый и похож на льва!

Ксения прыснула со смеху:

– На льва? Какое дурацкое сравнение, Оля! Я сразу представила, что-то очень нелепое – с гривой и с хвостом!

– Никола похож на льва в смысле царственности, есть в нем что-то вальяжное! – Ольга выдала забавную гримасу. – А потом у него такие роскошные волосы, словно грива!

– Ну а второй, тот, что чурбан?

– Месье Горчаков – скучнейший тип, – Ольга зевнула. – Зануда из неприлично богатой семьи. Его папенька – промотавшийся аристократ, в свое время поправивший свои расстроены финансовые дела женитьбой на матери Сергея – дочери купца-миллионщика. Хотя Серж, кажется, имеет совесть не кичиться папенькиным богатством и ведет себя вполне прилично. Но он скучный до невозможности – рядом с ним даже мухидохнут. Ни деньги, ни революция его не интересуют. Бедняга безнадежен – помешан исключительно на фотографировании, ходит всюду со своим штативом и фотографирует все подряд. – Ольга сделала смешной жест, показывая, как именно ходит этот самый Сергей. – Но что еще хуже: Горчаков одержим наукой. Он, видишь ли, работает над фотоаппаратом будущего – хочет изобрести новую оптику, усовершенствовать стекла и фотопленку. Этот чудак все время торчит в своей лаборатории и что-то изобретает. С ним и поговорить-то не о чем! А потом он не так красив, как Никола. Просто чересчур серьезный, деревянный чурбашка. Ой, Ксюта, мне кажется, вы бы с ним подошли друг другу!

Ксения изумленно посмотрела на сестру.

– Вот спасибо! Ты о чем вообще?

– А что? Ты такая же серьезная, как наш чокнутый фотограф! – Ольга подмигнула сестре. – Вы бы с ним отлично ладили! Ну что ты так на меня смотришь? Тебе скоро восемнадцать! Пора бы уже наконец в кого-то влюбиться!

– Разве мне угнаться за тобой? – усмехнулась Ксения. – Это ты на моей памяти влюблялась раз сто на этой неделе. Скажи, Оля, а тот твой кавалер, адвокат Клинский, кажется, тобой окончательно позабыт? Ну тот, ты еще замуж за него собиралась?

– Не будем о нем! Это было временное помутнение! – махнула рукой Ольга и закружилась по комнате.

Ксения засмотрелась на старшую сестру – какая Оленька грациозная!

Действительно, изяществу рослой, тонкой Ольги мог позавидовать кто угодно. Ольга вообще считалась красавицей – высокий лоб, розовый румянец на щеках и ведьминские глаза, менявшие цвет от светло-зеленых, оливковых, до темно-зеленых болотных омутов, в которые можно было провалиться и пропасть навсегда. А еще длиннющие черные ресницы (да хоть спичечный коробок клади ей на ресницы – Оля удержит) и пухлые, трогательно очерченные, словно их рисовала для Оленьки самая добрая фея, губы. К этим дарам фея (а может, тут работал целый отряд фей?!) в порыве неслыханной щедрости добавила также и осиную талию, и кудрявые шелковые волосы, и невероятную гибкость. «Я такая гибкая, что могу выступать в цирке, – смеялась Ольга, – а в случае необходимости меня можно сложить в несколько раз!»

Но темноволосая Ольга Ларичева, прелестница с ведьминскими глазами, была больше чем просто красавицей – в ней искрил тот особый животный магнетизм, что притягивает к женщине особей мужского пола, от мальчишек с еще не проснувшейся мужественностью до стариков, чьи порывы давно угасли. И в пульсирующей на висках жилке, и в яремной выемке, и в молочной белизне Олечкиной кожи, и в тяжелых завитках ее волос таилась сокрушительная – сильнее любого оружия! – женственность. Словом, для одной девушки этих даров расщедрившихся фей было даже слишком много! Но, с избытком одарив новорожденную Олечку блестящими внешними данными, феи совершенно позабыли наделить младенчика хоть сколько-то приличным характером. Да, когда дело коснулось характера, феи дружно вышли из комнаты, и Оленьке Ларичевой досталось... Ну то, что досталось. В итоге девятнадцатилетняя Ольга обладала яркой внешностью и... совершенно несносным характером!

Ох, не случайно мать сестер Ларичевых, Софья Петровна, часто напоминала своей старшей дочери старую как мир истину о том, что наш характер определяет нашу судьбу. Характер Олечки (и спичку подносить не надо – и тут полыхает, и здесь взрывается!) должен был решить ее непростую судьбу. Взбалмошная, своенравная Ольга – надменность, упрямство и дерзость. Не самый лучший набор качеств для юной барышни!

А вот ее младшая сестра, Ксения, была другой – тише, спокойнее, словно на полтона умереннее во всем. В ней сказывалась некая приглушенность и сглаженность черт; округлость линий, лица, и глаза: не эти Ольгины болотные колдовские всполохи! – а серые с голубым, задумчивые, мечтательные. Да и таким норовом, как старшая сестрица, Ксюта не отличалась. Мягкая, покладистая, погруженная в свои мечты и мысли, барышня с книжкой в руках.

Но несмотря на все различия, Ксения с детства считала старшую сестру кумиром и смотрела на нее с обожанием.

Вот и сейчас Ксения невольно улыбнулась, глядя, как Ольга – неугомонная огневуха-поскакушка – вихрем промчалась по комнате, выделявая немыслимые танцевальные па.

– Какая ты красивая, Оля! – не удержалась Ксения.

Ольга ничуть не смутилась и равнодушно махнула рукой:

– А, все это твердят, словно бы говорить больше не о чем!

Ольга стащила Ксению с подоконника и распахнула окно. В комнату ворвались мороз и снег; ветер разметал Олиных бумажных ангелов на столе. Ангелы полетели в воздухе и осели на пол.

– Этот какой-то кривой, этот толстобрюхий! – Ольга хихикнула, поднимая ангелов с пола, но тут же прикрыла рот ладошкой. – Ой, наверное, нельзя так говорить, тем более в сочельник!

В комнату вошла Софья Петровна, мать сестер, и прикрикнула на барышень, чтобы те закрыли окно: «Простынете, дурехи!»

Ольга нарочито закашлялась, делая вид, что она уже безнадежно простыла, а потом забасила, как иерихонская труба. Софья Петровна вздрогнула – у ее старшей дочери и так был непривычно низкий для барышни голос. Отец девочек даже как-то сказал, что у Ольги голос, как у пьяного моряка.

– Да-да, знаю, – театрально захрипела Ольга, – у меня голос, как у сотни прокуренных матросов.

Софья Петровна покачала головой:

– Я с тобой, Оля, когда-нибудь сойду с ума. Выпороть бы тебя, чтобы всю дурь выбить!

– Ну, спохватилась! – расхохоталась Ольга. – Мне уж завтра двадцать лет стукнет! Поздно собралась, мама!

* * *

В этот декабрьский вечер квартира инженера Николаевской железной дороги Александра Михайловича Ларичева наполнилась голосами и смехом. По случаю двадцатилетия старшей дочери к Ларичевым, на Фонтанку, съезжались гости. Однако, несмотря на пышные приготовления к торжеству, с самого начала вечера что-то пошло не так; причем поначалу ничто не предвещало такой развязки.

Сама именинница в зеленом, под цвет глаз, платье, в блеске красоты, юности, глаз, волос, порхала среди гостей и кружила головы присутствующим мужчинам. Что до скромницы Ксении, то она, по обыкновению, сидела где-то в уголке шумной гостиной, откуда и наблюдала за происходящим. Из всех Олиных знакомых более других ее заинтересовал Николай Свешников. В привлекательном, широкоплечем Николае чувствовалась необыкновенная сила и живой ум; а в его облике: орлиный нос, грива ниспадающих на плечи волос, широкие брови вразлет – действительно угадывалось нечто львиное, царственное.

Ольга тоже явно выделяла Николая из толпы гостей – она о чем-то непрестанно с ним шепталась и кокетничала. Ольга с Николаем составляли красивую пару – оба темноволосые, яркие, привлекающие всеобщее внимание. И Ольга, и Николай в этот вечер искрились обаянием и радостью и явно были увлечены друг другом.

Именинница пребывала в прекрасном настроении, однако, когда в разгар вечера в гостиную вошел высокий молодой человек с фотоаппаратом в руках, ее настроение переменилось. Появление незнакомца, представившегося Сергеем, вызвало у Ольги сильное раздражение. И хотя этот самый Сергей Горчаков держался скромно и ничем особенным, кроме своего штатива, из толпы не выделялся, Ольга осыпала его градом насмешек и уколов. Сергей при этом держался с достоинством – отвечал Ольге лишь сдержанной улыбкой (что, кажется, злило ее еще больше). А в середине вечера Ольга и вовсе расшалилась – она приобняла Николая и во всеуслышание заметила, что насколько бы совершеннее стал мир вообще и бедная Россия в частности, если бы таких настоящих мужчин, как Николя Свешников, радеющих о человечестве, было больше.

«А то некоторые думают только о фотографировании, да о том, как бы изобрести штатив поудобнее! А об этом ли теперь нужно думать?!» – Ольга с вызовом посмотрела на Сергея.

– А что же, Оля, вы кого-то конкретно имеете в виду? – спросил Сергей.

Ксения невольно обратила внимание на Сергея – у него было бледное, скорее, некрасивое лицо, в котором более всего привлекали глаза – ясные, большие (в них отражалось спокойное достоинство человека, не терпящего суеты и не привыкшего к светскому обществу).

Ольга буравила Сергея зелеными русалочьими глазами, вложив в свой взгляд необъяснимую убийственную иронию, но Сергей ее взгляд выдержал – этакая негласная дуэль.

– Какая-то вы, Оля, вся... углами, – наконец насмешливо сказал Сергей. – О ваши углы так просто пораниться!

– Будьте осторожнее! – с усмешкой – в тон собеседнику – ответила Ольга.

– Вам не идет так себя вести, – усмехнулся Сергей, – и вообще это все довольно глупо.

– Ну и уходите, раз так! – вспыхнула Ольга.

Сергей пожал плечами:

– Ну и уйду!

И действительно – развернулся и ушел.

Остаток вечера Ольга была темнее тучи и едва не разогнала гостей раньше времени.

Ксения терялась в догадках – что это с ней сегодня? Конечно, Оля слыла сумасбродкой, но злой она никогда не была. А тут прямо собака-кусака! Кроме того, Ксению озадачила легкомысленность сестры – прощаясь с Николаем, та поцеловала его у всех на глазах, что было чересчур дерзко даже для ветреной Ольги.

Поздно вечером, когда гости разошлись, Ксения осторожно спросила сестру:

– Олечка, а ты не влюблена ли часом в этого Николая?

– В кого?! – Ольга рассмеялась. – Какая ты смешная, глупая еще, Ксюта!

Через пару дней Ольга пригласила Ксению пойти на каток в Таврический сад и упомянула, что там будут Николай и Сергей.

Ксения удивилась:

– Разве вы с Сергеем помирились?

– Да мы и не ссорились, – улыбнулась Ольга. – Так, слегка повздорили.

Из всей компании самой приличной фигуристкой оказалась Ольга. В своей прелестной, бархатной, отделанной собольим мехом шубке она так грациозно скользила по льду, словно бы родилась в коньках. Рядом с сестрой Ксения чувствовала себя неповоротливой и тяжеловесной и от этого смущалась. В особенности она смутилась, когда ее старшая сестра предложила кататься парами и умчалась с Сергеем.

Николай взглянул на Ксению и протянул ей руку:

– Только сразу предупреждаю – я едва стою на коньках!

Неумение Николай постарался компенсировать напором и пылом – он подхватил Ксению и помчался по льду так резво, что она и возразить не успела. Вскоре, после очередного неосторожного движения, он запнулся и, падая, сшиб Ксению. Вскрикнув, она рухнула на упавшего на лед Николая.

Прежде чем вскочить (быстрее, это же так неловко!), она на мгновение все же задержалась и заглянула в его глаза – серые, бездонные, как петербургское небо; и в этот миг что-то произошло, будто вот это самое небо обрушилось и накрыло ее.

Позже, вспоминая это происшествие на катке, Ксения улыбалась: «Я то ли погибла в ту минуту, то ли выжила».

Николай поднял ее, помог отряхнуть шубку от снега.

– Давайте просто посидим? – предложила Ксения.

Они присели на скамеечку против пруда; Николай рассказывал ей о своей учебе в Политехническом университете, о планах на будущее, из коих главным было стремление всеми силами приближать революцию. Ксения слушала: как вы хорошо рассказываете, Николая!

Снег посверкивал, пары скользили по отливающему серебром катку, а вон там каталась в санях веселая компания.

«Какая смешная собачонка сидит на руках у той дамы в санях!» – улыбнулась Ксения.

– Николай, взгляните! – Ксения обернулась к Николаю и вдруг осеклась.

Николай смотрел на каток, где катались Ольга с Сергеем, и не сводил глаз с лица Ольги.

Ксения замерла – один, самый важный сейчас для нее вопрос рвался сорваться с губ. И – не вытерпела, не сдержалась:

– Вам нравится Ольга?

Николай вздрогнул, будто очнулся от гипноза, и пожал плечами:

– Нравится?! Я ее люблю. Хотя это, вероятно, самая большая ошибка в моей жизни. Несусветная глупость! Я, кажется, дурак, каких свет не видывал.

Ольга с Сергеем проехали мимо и помахали им.

– Из-за таких, как ваша сестра, мужчины сходят с ума и погибают, – в порыве злой ревности сказал Николай. – Коварная особа эта ваша Олечка. А вы, Ксюта, хорошая. Такие, как вы, очень нужны!

Ксения опустила глаза – она поняла, что он имел в виду. В этот вечер она вообще что-то такое поняла и про себя, и про свою сестру. Да, такие женщины, как она, тоже нужны: они спасают, лечат, рожают детей, посвящают себя кому-то. Но как ей хочется хотя бы на чуть-чуть, на один вечер стать Олей, чтобы Николай посмотрел на нее так, как смотрит на Ольгу.

Начинало темнеть, на сад опускались сиреневые сумерки. К замерзшим Ксении и Николаю подошла раздумавшаяся то ли от морозца, то ли от гнева Ольга. Следом за ней шел печальный Сергей.

В ответ на вопрошающий взгляд Николая Сергей пожал плечами:

– Я, кажется, снова провинился перед барышней Ларичевой, правда, не возьму в толк, что я снова сделал не так.

– Вы болван, месье Горчаков, – Ольга срезала Сергея взглядом, острым, как лезвия ее коньков. Однако на ее лице тут же зажглась улыбка: – Впрочем, это ничего, и болваны тоже зачем-нибудь да нужны!

Ксения покачала головой – Оля, ну уж это слишком!

– Вам доставляет особое удовольствие унижать меня? – усмехнулся Сергей.

Ольга бросила на искрящийся снег коньки и муфточку, подняла лежащий поодаль прут и, смеясь, вывела им на снег: «Ольга плюс»... Она остановилась и сделала театральную паузу. Николай с Сергеем замерли, глядя на снег, как будто сейчас решалась их судьба. Ольга нарисовала многоточие и рассмеялась в озадаченные лица своих кавалеров.

– А вот вы сами и разбирайтесь!

Она подхватила коньки, взмахнула косой и легко, только ее и видели, побежала к выходу из парка.

Растерянная Ксения наблюдала за тем, как Николай поднял со снега муфту и побежал за Ольгой. Сергей, кивнув Ксении на прощание, развернулся и пошел к другому выходу.

* * *

Надпись, которую Олечка писала на снегу, к Новому году исчезла под слоем выпавшего снега, а многоточие незаконченной фразы так и повисло в воздухе. И все трое – и Ксения, и претенденты на Олино сердце – гадали, чье же имя ветреная Ольга впишет в эти точки.

В последний вечер уходящего года Ксения была в квартире одна. Старшие Ларичевы ездили по всему Петрограду поздравляли родных, а Оля ушла в гости к своей подруге Тате Щербатовой.

Ксения долго, самозабвенно украшала игрушками ель в гостиной.

Горели свечи, ель сочилась смолой, и густой, прекрасный запах хвои наполнял гостиную. И вот последний зеленый шар приземлился на нижнюю ветку, а трогательный щелкунчик, некрасивый отважный солдатик любви, занял свое место на верхней. Елка украшена. Вот разве еще Оленькины бумажные ангелы! Ксения взяла в руки лежащий на столе альбом сестры, в котором та рисовала своих ангелов, раскрыла его и замерла. Да ведь это же...

И на той, и на этой – на всех страницах Оля рисовала длинную печальную фигуру с нелепым штативом в руках.

– Все ясно! – вздохнула Ксения. – Уж какое тут многообразие!

В гостиную вошла вернувшаяся из гостей Ольга.

Увидев Ксению с альбомом в руках, она мгновенно все поняла:

– Что, Ксюта, интересуешься живописью?

– Оля, вот и ответ! – простодушно сказала Ксения. – Это же Сергей, да?

Ольга высокомерно посмотрела на сестру:

– Спасибо, что разъяснила, а то как бы я без тебя разобралась? – Впрочем, она тут же смягчилась: – Сергей, да. Но разве это снимает другие вопросы, Ксюта?

Ольга подошла к окну; в этот новогодний вечер снег шел такой густой метелью, что в белой пелене терялась и Фонтанка, и мост против дома.

– Я люблю Сергея с того первого вечера, как его увидела, – она вздохнула. – Почему он – не знаю. Ну а кого еще можно любить, если Сережа – лучший на свете? Умный, тонкий, благородный. Если он – заплутавший в веках рыцарь!

Ксения обняла сестру:

– Так зачем же ты все портишь? Зачем ссоришься с ним?

– Сама не пойму. Когда я с ним, меня часто захлестывает такая невозможная нежность к нему, что я боюсь ее выказать и нарочно с ним ругаюсь! И чем потом хуже, тем мне лучше, понимаешь?

– Не очень, – призналась Ксения.

– Я ненормальная, да? Мне иногда хочется все разрушить, – Ольга покрутила тяжелый завиток волос: – Потому что я плохая и ничьей любви не стою!

– Глупости! Ты очень хорошая, Олечка. Ты, может быть, самая добрая из всех, кого я знаю. Ну... когда ты не с Сергеем. Я же помню, как ты отстояла вдову дворника с детьми, когда их выгонял домовладелец, и добилась, чтобы им разрешили остаться в квартире! Как ты дежурила в госпитале у раненых, как ты всегда раздаешь деньги. А еще ты очень храбрая! Ты никогда ничего не боишься. Что ты, Оленька, как же тебя не любить! И Сергей, конечно же, тебя любит.

– Понимаешь, Ксюта, мы с Сережей не сможем быть вместе. Его отец никогда не согласится на наш брак, потому что сочтет меня досадным мезальянсом.

– Так Сергей, наверное, и спрашивать отца не будет? – пожала плечами Ксения.

– Думаю, что не будет! – Ольга лукаво улыбнулась, и на ее лице вспыхнул тот самый, так украшавший ее румянец.

– А как же Коля? – не удержалась Ксения.

– А что Коля? Он хороший, славный. Идеалист, мечтающий осчастливить человечество. Кстати, Сережа его идеи разделяет, правда, методы, которыми они хотят добиться этого счастья для всех – нет.

– Олечка, но ты же морочишь Коле голову!

– А ты за него не переживай! – убежденно сказала Ольга. – Коля сильнее нас всех вместе взятых! Он, если хочешь знать, вообще сделан из стали. И потом Колю, кроме революции, ничего не интересует. Это он просто вбил себе в голову, что любит меня. Но он никого не любит, кроме своих идей.

Ольга взяла из альбома бумажного ангела и повесила его на елку.

– Ах, Ксюта, так хочется быть счастливой! Этот год будет прекрасным, вот увидишь!

Глава 2

Сестры

Павловск

Июль, 1917 год

Лед, на котором сестры Ларичевы коньками выписывали серебряные узоры, давно растаял, отшумела весна, зазеленело лето. И вот уже младшая дочь Ларичевых, Ксения, готовилась отметить свой день рождения.

День рождения Ксюты Ларичевы всегда отмечали под Петербургом – на любимой даче в Павловске, где семья обычно проводила все лето.

Летняя вольница с мая по октябрь: книги, пироги, долгие чаепития и разговоры на веранде, запах цветов из маминого сада – отдельная счастливая жизнь.

Лето бежало по зеленым холмам, запускало голубые ленты рек, радовало, словно напоследок, теплом и солнцем. Прогулки в Павловском парке, Олины рисунки и альбомы, звуки детского, чуть расстроенного пианино Ксюты, девичьи мечты, вечерние разговоры на остывающей от солнца веранде; казалось, лету не будет конца, и этот раскаленный «полдень мира» случился теперь навсегда, и это так хорошо, и другого не надо.

К дому Ларичевых приблудилась бездомная черная собачка – невзрачная, в смешных кудельках. Ольга пригрела ее, назвала Нелли, повязала ей голубой бант и научила служить.

Играли с собакой, читали стихи, качались в гамаке, варили варенье, принимали гостей.

Как только Ларичевы перебрались за город, и к родителям, и к барышням из Петрограда потянулись гости. Николай с Сергеем, конечно, приезжали чаще всех. Правда, в начале июля Ольга опять умудрилась рассориться с Сергеем, и тот перестал приезжать в Павловск.

Размолвку с Сергеем Ольга переживала, говорила Ксении, что на сей раз она рассорилась с ним окончательно. «Вот уж теперь-то вдребезги! На сотню осколочков!» И все-таки Ольга ждала, что Сергей приедет мириться, и подолгу просиживала на веранде, поглядывая на калитку, прислушиваясь к шорохам. Но Сергей все не ехал.

Как-то увидев глаза сестры, такие несчастные и бедовые, Ксения испугалась: «Олечка, ты только глупостей никаких не делай, ладно?!» Но Ольга каких-то отчаянных глупостей не делала, разве что повадилась курить да иногда потягивала отцовскую брусничную настойку.

Глядя на старшую дочь, Софья Петровна вздыхала: «И за что нам это?!» А зеленоглазое, непутевое «это» – с косой и в белом платье, изнывало в гамаке с книжкой юной поэтессы Цветаевой.

Вложив в свой хрипловатый голос невообразимую, чуть театральную (ох, Оля, вам бы в актрисы податься!) печаль и манерность, Ольга читала вслух кудлатой Нелли стихотворение про растаявший каток:

Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.
...Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток.

И Нелли, внимая голосу хозяйки, крутила умной черной мордой, а мама качала головой: «Ах, Оля, сама себя накручиваешь! Да что же у тебя вечно все не ладится!»

На самой макушке лета – середине июля – отмечали день рождения Ксюты. Ольга накануне уехала в Петроград, чтобы повидаться с подругой Татой, а Ксения с Софьей Петровной готовились к вечернему торжеству.

Софья Петровна накрывала стол на веранде, выставляла кружевные пироги, вишневую наливку в графине (сердилась: «это Леля так ополовинила бутыл?!»), хрустящие грузди, спелую малину, крынку с молоком. Ксения помогала накрывать на стол, но то и дело поглядывала в сторону калитки – не приедет ли сегодня Николай? Он тоже давно не показывался у Лариных.

И вот калитка скрипнула, Нелли затыкала и побежала встречать гостей. Ксения встрепенулась, потянулась вперед и увидела Сергея. В одной руке Сергей держал большой букет роз, а в другой свой неизменный фотоаппарат и штатив.

– С днем рождения! – Сергей протянул Ксении цветы.

– Спасибо! Хотя цветов-то у нас хватает, – рассмеялась Ксения, махнув рукой в сторону сада. – Это замечательно, что вы приехали, Сергей. Я вам так рада! Вот и Оля обрадуется!

– Сейчас будем пить чай с пирогами, – объявила Софья Петровна. – Хотя вы, может быть, предпочитаете кофе?

– Нет, я люблю чай, – улыбнулся Сергей.

Софья Петровна разливала по чашкам даже не чай, а сам июль, настоящий на летних травах; душица, чабрец, мята безропотно отдали свое солнечное тепло, и над чашками вился пряный аромат лета.

На веранду вышел Александр Михайлович с неизменной газетой в руках (в последнее время, следя за происходящим в стране, он не расставался с газетами). Вот и сейчас, поздоровавшись с Сергеем, отец сел в свое любимое кресло и пропал в газетных новостях.

Калитка опять скрипнула, и во двор вошли Ольга с Николаем.

Ксения заметила, как чуть задрожали уголки Олиных губ, когда та увидела Сергея.

– А, это вы, месье Горчаков? – усмехнулась Ольга. – Здравствуйте, рада вас видеть. Это прекрасно, что вы разделите с нами семейное торжество! И, кстати, у нас сегодня еще один повод для радости. Пожалуйста, поздравьте нас! Мы с Николаем поженились!

Софья Петровна опустила в кресло, а Сергей неловко подался назад и задел штативом стоявший на полу бидон с молоком. К радости веселой Нелли, молоко хлынуло белым ручьем – по полу, ступеням лестницы, на траву.

– Вы разве не поздравите нас? – спросила Ольга.

Сергей кивнул:

– Я поздравляю вас, Леля. Я желаю вам...

Он махнул рукой, неловко поклонился Софье Петровне и Ксении и ушел.

Звук захлопнувшейся калитки, забытый Сергеем штатив, всеобщее молчание.

Позже Ксения вспоминала этот миг. Самые большие трагедии подчас случаются, когда о них никто не догадывается; вроде ничего не происходит – залитый солнцем полдень, счастливая семья на веранде, и пироги, и чай с малиной, и веселая собака, и все это милое, домашнее, бесценное – на фоне разыгрывающейся катастрофы.

– Больше никто не хочет нас поздравить? – В голосе Ольги звучал вызов, а на губах застыла нарочито дерзкая улыбка.

Ксения, избегая смотреть в сторону Николая, смотрела на смеющуюся сестру – темные кудри, зеленые глаза, зардевшиеся щеки... И что-то в душе кротчайшей доброй Ксюты теперь кипело, ей хотелось подойти сейчас к Оленьке и оторвать ей ее прекрасную голову вместе с кудрями и опасными глупостями.

Ксения подошла к сестре вплотную – сейчас не сдержусь и... Сдержалась, конечно! Это же ее любимая Оля, Олечка!

– Поздравляю, Оля! – выдавила Ксения. – И вас, Николай! Я пройду, пожалуй.

Она бежала по парку, чтобы быстрее оказаться в самой тихой его, безлюдной части. Найдя где-то посреди луга кривенькую и слишком высокую скамеечку, Ксения забралась на нее и расплакалась.

«Поздравляю, Оля! Ты разбила три сердца!»

* * *

Но Ольга была честной девушкой – она разбила четыре сердца, включая и свое собственное. Стараясь казаться безразличной, она глядела вслед Сергею, убегающей Ксюте, смотрела на маму, у которой почему-то в глазах застыли слезы, на улыбающееся лицо Коли и понимала, что все не так, как должно быть, а глупо, нелепо и... необратимо.

На столе стояли нетронутые пироги, травяной чай остыл в чашках, небо нахмурилось, и только отец, кажется, так ничего и не понял – пропал в тревожных газетных новостях, с каждой полосы кричавших о том, что мир рушится и что скоро ваши пироги-чашки-милые глупости полетят в тартарары и ничего не вернется.

– Саша, да что ты все с этой газетой! – в сердцах воскликнула Софья Петровна. – У тебя вон дочь вышла замуж.

Александр Михайлович поднял голову:

– Так это же хорошо, даже замечательно! Молодые люди, я вас поздравляю! А что это у вас у всех такой похоронный вид?!

Ольга пожала плечами: а и впрямь! Одни разбежались, у других вид, как у покойников перед отпеванием!

Александр Михайлович повернулся к новоявленному зятю, о котором знал только, что он «славный молодой человек радикальных политических взглядов», и спросил Николая о том, что нынешним летом волновало его более всего:

– А что, Николай, как по-вашему, революция будет?

– Обязательно, – уверенно ответил Николай.

У Ольги вдруг защемило сердце от предчувствия скорой беды.

Вечер оказался скомкан, праздника не получилось. Отец разговаривал с Николаем на политические темы, мама ушла в дом и закрылась у себя, обижаясь на старшую дочь, а Ксюта долго не возвращалась с прогулки.

Ксюта вернулась уже поздно вечером, когда стало темнеть. Она вошла на веранду, выпила остывший чай из чашки, стараясь не смотреть на Ольгу. Та, однако, заметила, что глаза у сестры странно припухшие, как от долгих горьких слез.

– Что с тобой? – удивилась Ольга.

Ксения повернулась к сестре и пронзила ее холодным взглядом:

– Зачем ты это сделала? Назло Сергею? Можешь не отвечать, я, в отличие от Коли, и так все понимаю.

Она повернулась и ушла в дом.

Ольга хотела было обидеться на сестру – да вам-то всем какое дело?! – но вдруг задумалась, стала перебирать запутанный клубочек: восторженные слова Ксюты о Коле, ее смущение в его присутствии, ее сегодняшние заплаканные глаза. И вот размотав клубочек, добравшись до самой сути, Ольга охнула: «Ксюта, но почему ты молчала?! Если бы я знала, что ты влюблена в Колю, я бы никогда, слышишь, никогда, и не посмотрела в его сторону! Но ведь ты ничем – ни словом, ни взглядом не проговорила, вот только сегодня... Какая же я дура».

На веранду выглянул заночевавший у Ларичевых Николай:

– Леля, ты идешь?

Что она Колю не любит, Ольга знала и когда выходила за него замуж, но утром после первой брачной ночи эта правда полоснула ее ножом по горлу. И что теперь делать, когда Коля – львиная грива, влюбленные глаза, идеалы, и человек он, в сущности, такой славный! – ничем этой правды-ножа не заслужил? Да и получается, что любимой сестре она жизнь испортила – как теперь будете оправдываться, Оля?

Ольга смотрела на спящего мужа – сильное тело воина, волосы разметались по подушке...

Коля безмятежно спал, и все в доме спали, а вот ей не спалось.

Она набросила на плечи шаль, вышла из погруженного в сон дома и вздрогнула – на ступеньках крыльца сидела бедная Ксюта.

Ольга молча села рядом с ней. Это было их крыльцо – сестры полюбили его еще в детстве. Часто маленькие Оля и Ксюта садились на крылечко – ели ранетки, рассматривали фантики, читали книжки (зачастую одну на двоих), мечтали, болтали обо всем на свете.

А сейчас они молчали, словно между ними пролегла разделяющая пропасть – не потянуться друг к другу, не преодолеть.

Ветер доносил запахи цветов из сада, ночь уже истончалась, подступало утро, но было еще по-ночному прохладно и тихо, только где-то в пруду квакали лягушки и в саду стрекотал кузнечик. В такой повисшей над миром тишине – как в первый день творения – есть что-то пугающее. Но вот ночь переломилась, забрезжил, разгораясь, набирая силу, рассвет. День, обещавший быть солнечным и жарким, вступал в права. Где-то наверху в доме закашлял отец, залаяла Нелли.

– Ксюта, я ничего не знала, – вздохнула Ольга. – если бы я знала, я бы никогда...

– Но это ничего не меняет, – спокойно, без упреков и надрыва, сказала Ксения. Она поднялась и молча ушла в дом.

И хотя это июльское утро было теплым, Ольга съежилась, будто озябла, и укуталась в шаль.

...А ведь еще недавно все было хорошо. В мае цвела сирень, белый снег роняли вишни, дурманили сладким запахом цветущие яблони, шмели кружили над нежными маргаритками в мамином саду; это лето обещало быть самым счастливым в Олиной жизни.

Сережа приезжал к ней в Павловск почти каждый день. Обычно они брали велосипеды (Ольга давала Сергею велосипед отца) и уезжали в дальние уголки парка. Однажды они нашли где-то посреди цветущего луга нелепую, словно бы ее смастерил какой-то шутник, необычайно высокую скамейку (даже высоченному Сергею она была высоковата, а про Ольгу и говорить нечего) и часто отдыхали на ней.

И так повелось – много гуляли, отдыхали на этой скамеечке, рассказывали друг другу о себе.

Еще год назад Ольга о Сергее ничего не знала. Они познакомились прошлой осенью, когда Ольга пришла в гости к подруге Тате, старший брат которой прилаживался к Сергею и Николаю.

Нет, сначала Сергей Ольгу ничем не заинтересовал; на фоне яркого Николая с его модными революционными идеями Сергей терялся – и не красавец, и не борец за благо человечества! Просто приятный юноша – молчун с фотоаппаратом, губы уголками вниз, серые глаза с зелеными крапинками, немного чудной, застенчивый. Правда, Тата говорит, что он богатый, ну так что с того? Вот уж деньги Ольгу никогда не интересовали...

В общем, с какой стороны ни посмотреть, в кавалеры Сережа не годился, а посему назавтра она о нем позабыла. Но через несколько дней после той встречи у Таты, прогуливаясь по

Летнему саду, на одной из аллей, усыпанных листьями, она увидела знакомую высокую фигуру с фотоаппаратом.

Сергей обрадовался и сам подошел к ней:

– Леля?!

Мерили аллеи шагами, перегнувшись через перила, смотрели на серенькую Фонтанку, Ольга болтала, Сергей слушал ее и фотографировал.

– У вас удивительное лицо, Леля. Вы все время какая-то разная, так трудно поймать вас настоящую!

– Не надо меня ловить! – расхохоталась Ольга. – Я вам что – заяц? Скажите уже что-нибудь умное. Ну вот зачем вы воду фотографируете?

– Мне кажется, что вода – это застывшее время, – серьезно сказал Сергей. – Я вообще люблю фотографировать воду, смотреть, как ветер гонит волну, как круги расходятся.

Ольга покачала головой – вздор! Вот точно чудак!

Что Горчаков чудак – она в течение этого дня убедилась еще не единожды. То с водой носится, то фотографирует опавшие листья, причем перебирает их, отделяет один от другого.

– Каждый лист как цветок, – пояснил Сергей, заметив ее удивленный взгляд. – И они все, конечно, разные. Лист в форме сердца, лист-ромб, щит, а вот как человеческая рука, словно он с тобой поздоровался!

Ольга усмехнулась:

– А вы не поэт часом, Серж?

– Совсем нет. – Сергей аккуратно отставил штатив в сторону. – Стихов не пишу и даже не читаю, но вот это, кстати, может, и зря?

Прогуливаясь по городу, неподалеку от набережной, Ольга заметила любимую кондитерскую:

– Люблю это место, мы здесь всегда заказываем на Рождество пирог «Двенадцатой ночи». Зайдем? Я, признаться, очень люблю кофе.

Они сели за столик у высокого панорамного окна, из которого открывался вид на улицу.

Мальчик-официант принес чай для Сергея, три чашки крепкого черного кофе для Ольги, изящный молочник со сливками и кружевной пенкой, блюдечко с сахаром, корзинку с пирожками и лимонные бисквиты.

– Не много ли кофе для одной барышни? – улыбнулся Сергей.

Ольга махнула рукой:

– Да я кофе-то могу литрами... А хотите, погадаю вам на кофейной гуще?

Залпом выпив обжигающий напиток, она долго всматривалась в воображаемое будущее на темном доннышке чашки.

– Ну и что вы там нагадали, Леля?

– А то, что мы с вами поженимся, – лукаво улыбнулась Ольга, – и у нас будут дети. Хотя я детей вообще-то не очень люблю, но это к делу не относится. У нас родятся дети, и у них, представьте, тоже будут дети. Наши внуки или – черт, я запуталась, наши правнуки, что ли?

Сергей улыбался.

– Ну не важно, – Ольга принялась за вторую чашку, – я старуха-то буду злая, но только не к своим внукам, этих буду любить-баловать! И однажды приведу их в эту кондитерскую, куплю им тульские пряники и петушков на палочке.

Сергей рассмеялся. Ольга наворачивала пирожки с грибами, с капустой и с ягодами. Несмотря на внешнюю хрупкость Лели Ларичевой, аппетит у нее был отменный.

Съев и пирожки Сергея, Ольга решила погадать на третьей чашке.

– Ну а там что? – полюбопытствовал Сергей.

Ольга всмотрелась в крепчайшую – в этой кондитерской кофе варили на славу! – гущу и вздохнула:

– А тут... Вы меня полюбите, Сереженька! А я разобью вам сердце. И, может, от тоски, может, еще отчего, вы умрете. И я умру. И не будет у нас с вами ничего – ни супружества, ни внуков.

Сергей накрыл ее ладонь своей:

– А вот такое будущее мне не нравится. Согласен на то – из первой чашки. Вы лучше ешьте пирожки, Леля.

С того дня Ольга с Сергеем стали встречаться. Правда, Ольгу все время тянуло Сережу поддеть, выступить в противовес ему, причем она не могла даже себе объяснить – почему; может, потому, что она ждала большего проявления чувств с его стороны? Ей хотелось, чтобы он сходил с ума от любви к ней, пылал и взрывался, а сдержанный Сергей был ровен, спокоен, молчалив и не совершал безумств, которые так любят юные барышни.

Она старалась его растормошить, подзадорить и разрывала с ним отношения чуть не на каждой неделе. Но главная причина, наверное, была в том, что в глубине души Ольга была уязвлена осознанием того, что семья Сергея вряд ли ее, дочь инженера со средним достатком и скромным происхождением, когда-либо примет. У Сергея вообще была сложная семейная история. Он не любил рассказывать о своей семье, но кое-что Ольга узнала от подруги Таты. Его отец, потомок старинного рода, человек высокомерный и вздорный, промотав состояние, женился на дочери купца-миллионщика из-за ее наследства. Когда Сергею было двенадцать, его тишайшая, застенчивая мать, прожившая годы супружества словно в тени властного мужа, умерла. Ольга могла только догадываться о том, какой травмой для Сергея стала смерть матери. Сам он лишь однажды обмолвился о своей семейной драме.

– Вы, Леля, как будто и не цените собственное счастье?! А между тем это именно счастье – иметь такую семью, как у вас, где все любят друг друга, друг о друге заботятся. Мне так не повезло. Мой отец всю жизнь был обижен на мать за то, что был вынужден на ней жениться, чтобы поправить свое положение. И она, как мне кажется, была несчастлива в этом браке; впрочем, исходя из семьи староверов, она никогда ни на что не жаловалась, стоически принимая все тяготы.

Ольга коснулась рукой деревянного креста на шее Сергея:

– Давно хотела спросить – откуда у вас этот странный крест?

– Этот старообрядческий крест остался мне на память о матери. Собственно, то небольшое наследство, что мне от нее досталось. – Без какого бы то ни было надрыва и пафоса, спокойно и буднично, Сергей добавил: – Я ее очень любил. И продолжаю.

* * *

Полгода, прошедшие с первой встречи Ольги и Сергея у Таты, вместили в себя многое: бесчисленное количество чашек кофе в любимой Олиной кондитерской, снег, сменивший осенние листья на аллеях Летнего сада, каток в Таврическом саду, весну в ее буйном разливе, щедрое цветение садов и вот эту самую облюбованную ими скамеечку посреди луга.

Велосипеды отдыхали в траве, солнце прожигало землю, а Сергей с Ольгой сидели на скамейке и разговаривали. Большею частью болтала, конечно, Ольга (несу всякий вздор, Сережа? Ну уж извините, да послушайте!), но вот и молчаливый Сергей разговаривался...

– Сережа, да что вы опять про свою оптику да фото пленку? – усмехнулась Ольга. – Вы мне про себя расскажите, скучный вы человек. Мечта есть у вас?

– Есть, – улыбнулся Сергей. – Я с детства мечтал побывать на Севере, увидеть северное сияние и звезды, фотографировать снег. Жаль, пока мечта не исполнилась, но я надеюсь, что когда-нибудь судьба приведет меня на Север.

Он рассказывал Ольге про сотню оттенков белого цвета, про северян, которые умеют их различать, про то, что снег можно снимать бесконечно – он же разный! – про северные сказки и обычаи северных народов.

Ольга улыбалась: ну не такой уж он и молчун! Пожалуй, заслушаться можно!

– А я тоже хочу на Север, возьмите меня с собой! Буду вам помогать – нести штатив, песенки петь.

– Ну куда вам, Леля, в вашей бархатной шубке и муфточке ехать, разве на балы только?! – рассмеялся Сергей.

Ольга слетела с высокой скамеечки, как с горы прыгнула, оседлала велосипед и махнула своему кавалеру:

– Хватит разговаривать! Поехали, Сережа!

Где-то в лесу, на поляне, они остановились. Шумел ветер, вдалеке куковала кукушка.

Ольга прислушалась:

– Слышите? Такая странная птица, будто плачет...

– Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось? – спросил Сергей.

Ветер подхватил короткий птичий крик.

Ольга замерла – год-два? Тень омрачила ее лицо, и она в сердцах крикнула:

– Неправда! Дура кукушка!

– А вы суеверная, Леля! – улыбнулся Сергей. – Приметы – это глупости, недостойные верующего человека.

Он привлек ее к себе, поцеловал, и она тут же обо всем, включая суеверия и предчувствия, забыла.

В тот летний июньский вечер они стали ближе друг другу на целое «ты» (чужое «вы» отменилось само собой) и на много поцелуев (когда целуешься под каждой сосной, а сосновый лес нескончаемый – вовек весь не обойти!)

И вот уже когда было и доверительное «ты», и нескончаемый, измеренный поцелуями лес, и планы на будущее, в конце июня они вдруг поссорились.

– Значит, Север, усовершенствованная линза для фотоаппарата, а меня в твоих планах как будто и нет? – проворчала Ольга.

– Леля, но это не так! – мягко возразил Сергей. – Все мои планы связаны с тобой!

Ольга болтала ногами на высокой скамеечке, не доставая белыми туфельками до земли.

– Но жениться ты мне все-таки не предлагаешь?! Что – отца боишься?

Сергей пожал плечами:

– Мой отец здесь вообще ни при чем. Просто... Ну куда тебе замуж, Леля? Ты еще совершенный ребенок!

– И ничего не ребенок! – выпалила Ольга. – Мне вон Коля Свешников предложил за него замуж выйти!

Сергей нахмурился:

– А ты что на это ответила?

– А я пока думаю, – лукаво улыбнулась Ольга.

– Нелегко с тобой, Леля, – вздохнул Сергей, – тебе словно нравится меня поддразнивать, нравится притворяться а *femme fatale*. И вот ты играешь эту роль, выжигаешь вокруг себя все, как тайгу, но это ты ведь нарочно придумываешь. Это так глупо, Леля. Ведь настоящая ты не такая, на самом деле ты хорошая.

Ольга разозлилась – разъяренной кошкой спрыгнула со скамейки.

– Глупо?! Притворяюсь? Да как ты смеешь? Дурак ты, Сереженька.

Он легко согласился:

– Ну и дурак. Не обижайся, Леля.

Но она обиделась.

– Я за Колю замуж выйду! – вlepила Ольга Сергею как пощечину.

Сергей побледнел:

– А зачем ты это мне сейчас говоришь? Скажи, что ты шутишь!

Леля молчала, только нервно туфелькой постукивала по траве.

– Я пойду, Леля, – сказал Сергей. – Но если я сейчас уйду, я уже никогда не вернусь.

– Ну и иди, – в запале крикнула Ольга. – Да хоть навсегда.

Сергей повернулся и пошел прочь.

Она смотрела ему вслед, подавляя в себе желание крикнуть, остановить. Луг огромный, кажется, никогда не кончится; Сергей шел, шел и наконец пропал из вида.

Неделю она ждала, что он придет в Павловск и они, как бывало не раз, опять помирятся.

Через три недели Ольга поняла – а ведь этот гордец и впрямь не придет! И разозлилась – до краев наполнилась обидой, ревностью и самодурством.

А тут рядом Коля – влюбленные глаза, заверения в любви до гроба, вздыхает, улыбается, да хоть сейчас ему свистни – побежит как собачка Нелли.

И в один из приездов Николая Ольга выпалила:

– Коля, так что – женишься на мне?

Николай замер, улыбка сползла с лица – боялся поверить.

Сказал просто:

– Женюсь.

И от растерянности добавил:

– Когда?

– Что же медлить, раз ты готов. Давай завтра. Вот я приеду в город и обвенчаемся. А на день рождения Ксюты всем и объявим.

А вот тебе, Сережа, нож в сердце.

Отцвели яблони, сбросили снег вишни, на нелепой скамеечке теперь, видно, сидят другие влюбленные, а Леля Ларичева, просидев полночи с печальной Ксютой на крыльчке, в это раннее июльское утро горюет, понимая, сколько бедовых дел наворотила она на свою глупую головушку. А впереди еще половина лета и целая жизнь, которую надо как-то прожить.

* * *

Лето убежало, скрылось за поворотом – его никогда не догнать.

В августе Ксения часто сидела в саду, смотрела как падают ранетки, как тихо отцветают цветы. Дачная жизнь угасала, заканчивалась.

К концу лета к Ларичевым перестали приезжать гости – в городе, говорят, было неспокойно (до дачной ли теперь вольницы с пирогами и чаем?). И Ольга теперь не приезжала в Павловск. Ксюта знала, что она с Николаем живет где-то в городе на съемной квартире. Ну а в сентябре и Ларичевы засобирались в Петроград. Пора было возвращаться.

Чашки, книжки, альбомы, банки с вареньем – с утра до вечера круговерть, сборы, дом вверх дном; и не забыть забрать с собой в город лохматую собачонку Нелли.

Перед самым отъездом вышли на крыльцо, постояли.

– Что ж, бог даст, приедем сюда следующим летом, – вздохнула мать.

Отец кивнул, обнял ее и Ксюту.

Сложились и поехали.

Глава 3

Бог сохраняет все

*Санкт-Петербург. Кофейня «Экипаж»
Наши дни*

В этот рождественский сочельник из-за обрушившегося на город снега на небе не было видно звезд, но три женщины, сидевшие в кофейне за столиком, знали, что та главная – Рождественская звезда – уже появилась. Горели, отражаясь в окнах, подсвечивая дорогу одиноким прохожим на ночной улице, свечи. В центре столика стояло блюдо с кутьей; согласно старой традиции его нельзя было убирать до утра (вдруг кто-то из преодолевших рубеж земного и вечного, заблудившись во временах и метели, заглянет этой ночью к нашим героиням на огонек – на угощения да воспоминания? Или просто тихо посмотрит в окно, послушает земные разговоры и порадуетсya тому, что – Бог сохраняет все! – и его помнят на этой земле).

Янтарный узвар поблескивал в стаканах, на королевском блюде из тончайшего, разрисованного дивными птицами фарфоре сочился волшебной сладостью пирог «Двенадцатой ночи». Теона уже раскладывала его по тарелкам; отдавали терпкостью вишни, чуть горчил ром, в воздухе пахло пряностями и гвоздикой, этим странным цветком мертвых. Теона чуть приоткрыла окно – аромат мороза и свежести ворвался в кофейню, смешиваясь с гвоздичным. Мария с Линой мгновенно узнали этот запах, так хорошо знакомый каждому, хоронившему близких какой-нибудь морозной зимой; когда на сотни километров белой скорбью простирается снег, когда кажется, что впереди у тебя только долгая-долгая зима, когда воздух пахнет раскрывшимися в это утро, чуть застывшими на морозе и обреченными погибнуть на этом снегу гвоздиками; и когда ты знаешь, сколько красоты и печали в этих красных цветах на свежем холмике, уже чуть припорошенном белым снежком.

И вот – чу! – чуть задрожали свечи, приотворилась дверь в кофейню, и легчайшая, никем не замеченная тень, не побеспокоив, не испугав присутствующих, промелькнула в старом серебряном зеркале, лежащем на столе.

Теона пригласила к праздничному столу еще одну, заблудившуюся в веках гостью. Картина старого голландского мастера, которую Теона сегодня забрала у Павла, источала свет ярче многих свечей и освещала кофейню. Незнакомка на полотне стояла у окна, вглядываясь в нечто, видимое только ей.

Лина, как замороженная, смотрела на полотно – в этой картине была неизъяснимая прелесть, печаль и тайна.

– Откуда она взялась? – спросила Лина.

* * *

Петроград

Осень 1917 года

Этой красной осенью революционный Петроград был полон грозowymi всполохами – уже разгорались пожары будущих катастроф, сам воздух был наэлектризован и пронизан предчувствиями. Однако Ольгу больше всего волновали ее сердечные дела, а все происходящие политические события интересовали ее с точки зрения того, не могут ли они навредить Сергею.

– А друг-то наш Сережа, – однажды обмолвился Николай, – глядишь, скоро поедет на свой драгоценный Север!

Ольга вздрогнула: в смысле?!

Николай тут же разъяснил:

– Папаше его придется поделиться капиталами! А Сергей пусть присоединяется к нашему движению, искупает, так сказать, барские грехи, или дорога ему на Север – будет там фотографировать белых медведей.

Слова Николая камнем упали Ольге на душу. А в конце сентября она узнала от подруги Таты новости о Сергее. Оказалось, что еще в августе он рассорился с отцом, и Горчаков-старший после их размолвки лишил сына наследства и уехал за границу.

Ольга переживала за Сергея – как отзовется в его судьбе грядущая революция, которую, как уверяет Коля, теперь не отменить. И перед страхом за любимого человека меркли все обиды, детские капризы, и все ее придуманное дурное «а femme fatale» слетело как шелуха.

Между тем Николай переживал сейчас самый прекрасный период в жизни – он ждал это время, давно приближал его всеми силами; революция была смыслом его жизни.

– Скоро, Лелька, настанет наша правда, – приговаривал Николай.

А Ольга думала только о том, как сказать ему, что их брак был ошибкой и что им надо расстаться. Наконец страх за Сергея, желание разделить с ним это трудное время подтолкнули ее к объяснению с Николаем.

Она знала, что если сдержанный Сережа – это белое пламя, запрытанное глубоко внутри, то Николай – красное, полное разрушительной силы и ярости, такое уничтожит любого! и предвидела его реакцию.

Николай слушал ее – лицо мрачнело, ярость уже разливалась.

– Значит, наш брак – это просто твой каприз, твоя идиотская шутка?!

Ольга кивнула – она не искала себе оправданий.

Николай смотрел на нее в упор – опасные глаза.

«Убьет – ну и поделом!» – успела подумать Ольга.

Он долго молчал, потом выдохнул:

– Ну так что с того? Поженились в шутку, жить будем всерьез. Не любишь меня? Ничего – стерпится-слюбится.

– Коля, я люблю Сергея. Я всегда его любила.

Николай ударил рукой по столу – чашки полетели на пол: звон разбитой посуды и расколотившиеся мечты Коли Свешникова о долгой супружеской жизни с красавицей Лелей.

Николай подошел к Ольге, занес кулак над ее лицом:

– Я хочу знать – почему он?

– Я не знаю, – тихо сказала Ольга, не пытаясь ни убежать, ни вымолить прощение, – просто он самый лучший. Я за ним, как собака, на край света пойду, хоть на Север, хоть на каторгу. Прости, Коля.

Ревность разливалась диким Енисеем – не совладаешь. Николай с яростью толкнул Ольгу. Она ударилась об стену, закусил губы, чтобы не вскрикнуть – знала, что виновата. Красное пламя бушевало – Николай крушил все вокруг, за считанные минуты разнес комнату, разбил мебель, посуду. Ольга молча наблюдала за ним, закрыв уши руками, чтобы не слышать этого грохота и его бранных слов. Затем Николай метнулся к столу, достал церковное свидетельство об их браке и подскочил к Ольге. Он хотел разорвать его и бросить клочки бумаги ей в лицо, но вдруг остановился, у него будто враз закончились силы.

– А это, пожалуй, будет уже киношка, как с этими полудурками из синема, – усмехнулся Николай. – Не дожدهшься, Леля.

Но в одном он себе все же не отказал – бросил ей на прощание:

– Будь ты проклята!

Ольге потом казалось, что его проклятие сработало как заряженное ружье, и во всем, что с ней впоследствии случилось, отзывалось то Колино, наполненное энергией ненависти пожелание.

* * *

В начале октября, узнав, что Сергей теперь квартирует комнаты где-то на Сенной, она решила идти к нему. Ольга была готова ко всему – ну пусть он прогонит ее, выбранит! – что угодно, лишь бы увидеть его.

До Сенной было десять минут хода, но пока Ольга шла – передумала на десять лет вперед, а повзрослела, кажется, на всю жизнь.

Неприглядный дом, скромная комната, изменившийся – повзрослевший, осунувшийся Сергей.

Ольга стояла на пороге и смотрела на него – зеленые звезды глаз, в которых застыли слезы, сожаление, мольба.

Сергей спокойно и чуть насмешливо спросил:

– Чем обязан?

И тогда гордая – вы такой больше не найдете! – сумасбродная женщина рухнула ему в ноги. Прости.

Он подошел, опустился к ней:

– Что ты, Леля, не надо!

Усадил в кресло, налил ей чай.

– Вот, выпей.

Ольга послушно взяла чашку, глотнула, закашлялась.

– Сережа, мы с Николаем расстались!

Его глаза цвета Невы в непогожий день встретились с ее зелеными: это правда?

Ольга кивнула – да. И на все, что хочешь, – бесконечное «да».

Сергей молчал. За эту минуту тишины Ольга прожила еще одну жизнь – если он сейчас скажет, что она опоздала, что он ее забыл, разлюбил, как тогда жить дальше?

– Ты, кажется, переживала, что я неприлично богат? – нарушил молчание Сергей. – Ну так теперь я бедный. Полюбишь такого неправильного никчемного принца?

Ольга потянулась к его губам:

– Уже полюбила.

В тот день она осталась у него, намереваясь разделить с ним все, что пошлет судьба.

О размолвке с отцом Сергей рассказал сухо: «Да, разорвали отношения, впрочем, их и не было никогда. Отец уехал в Европу, на прощание сказал, что на его наследство я могу не рассчитывать. Я ни о чем не жалею – ни о нашей ссоре, ни тем более о каких-то деньгах. Да это и смешно теперь. Полагаю, все идет к тому, что наследство мое в любом случае скоро отменят такие пламенные бойцы, как Николай Свешников».

Больше всего Ольгу интересовало, как Сергей воспринимает революцию и что он намерен делать посреди охватившего город и страну хаоса.

Услышав ее вопрос, Сергей помрачнел:

– Не знаю, Леля, я пока не понял, где мое место, с кем. Мне все больше хочется уехать на Север, где только снег и где вместо множества идей только одна – вот день начинается и хорошо! Но уехать, наверное, означало бы сбежать, а я никогда ни от кого не бегал. Пока знаю только, что я человек того мира, да христианин к тому же и новых идей не принимаю. Анархия, самосуд и власть толпы – это их новые идеалы?

Ольга посмотрела на пылившиеся в дальнем углу фотоаппараты и штативы и вздохнула:

– А ты что же, больше не фотографируешь, Сережа?

Сергей мягко улыбнулся:

– Ну какие теперь фотографии, Леля, до того ли сейчас?

Это, конечно, было счастье, но счастье наполовину с тревогой за любимого человека, с каждодневным страхом – когда выстрелит, отзовется беда, ведь кажется, что-то стучится в воздухе, происходит прямо сейчас. Ольга прислушивалась к своей интуиции, к разговорам прохожих на улицах и понимала, что в городе уже беспокойно.

В попытке оттянуть время – затаиться, переждать, в середине октября она предложила Сергею поехать на дачу Ларичевых в Павловск.

Я не могу увезти тебя, Сереженька, на твой любимый Север, но могу хотя бы куда-то подальше от этого страшного города.

* * *

Здесь, в Павловске, на краю жизни и осени, было спокойно. В мамином саду отцвели еще не все цветы и опали не все яблоки (папин любимый северный сорт только-только созрел). Холодный дом просил наполнить его теплом и жизнью.

Днем Ольга с Сергеем уходила гулять в парк: «Вон наша скамеечка, Сережа, помнишь? А здесь дура-кукушка, открутить бы ее глупую маленькую голову, так неудачно над нами пошутит!»

Вечером пили чай, разговаривали и – любили, любили.

В один из вечеров Сергей сказал Ольге, что хочет кое-что ей показать.

Он достал неприметный мешок, который привез с собой из города, и протянул Ольге зеркальце. Серебро заиграло в свете свечей; Ольга заглянула в Зазеркалье, увидела обнаженную себя – раскрасневшуюся от любви, всю перецелованную.

– Чье это, Сережа?

– Моей матери, – улыбнулся Сергей, – оно старое, еще из тех времен, когда за зеркало можно было получить целое состояние! Я храню его как память о ней. И вот еще одна память о матери – ее предсмертный подарок.

Сергей извлек на свет средних размеров картину, поставил ее на столик рядом с кроватью, где лежала Ольга.

– Познакомься с ней, Леля!

На полотне была изображена стоявшая у окна молодая рыжеволосая женщина в зеленом платье. Ее взгляд был устремлен куда-то в даль, при этом для зрителя оставалось сокрытым не только то таинственное нечто, что видела незнакомка, но и выражение ее глаз; таилась ли в них печаль, изумление или же радость, тоже являлось загадкой. Но главной тайной художника была волшебная сила его таланта – картина источала божественный свет, который струился из окна, наполнял комнату и пространство.

Ольга, с детства серьезно увлеченная живописью, ахнула – она понимала подлинный масштаб дарования неизвестного художника.

– Да ведь это шедевр, Сережа! Но как, откуда появилось такое чудо?

Сергей рассказал, что эту картину в свое время купил его дед по материнской линии – купец первой гильдии Петр Прохоров, человек образованный и увлеченный искусством, страстный собиратель живописи. Семейная легенда гласила, что эту картину Петр Иванович приобрел за огромные деньги то ли у странствующих итальянских музыкантов, то ли привез из Европы, где выкупил ее у некоего немца-коллекционера; как бы то ни было, картина бережно хранилась в семье Прохоровых долгие годы. Петр Иванович, будучи чрезвычайно ревнивым коллекционером, предпочитал никому не показывать свою коллекцию, и о существовании картины, принадлежавшей, по всей видимости, кисти старых голландских мастеров, знала только

семья Прохоровых. Перед смертью Петр Иванович завещал жемчужину своей коллекции любимой дочери Марии – матери Сергея. Мария же перед смертью передала картину своему сыну-подростку как главное наследство и память о семье Прохоровых. После ссоры с отцом, уходя из дома, Сергей забрал картину с собой.

Ольга покачала головой – невероятно!

– Но ее когда-нибудь показывали оценщикам?

– Никогда. В семье матери догадывались, что обладают настоящим сокровищем, но предпочитали никому об этом не рассказывать.

Ольга, как завороченная, смотрела на полотно – волшебный свет освещал теперь и ее лицо, отражался в ее восхищенных зеленых глазах.

– После того как моя мать умерла, картина всегда висела у меня над столом. Я смотрел на эту незнакомку и представлял, что говорю с матерью. Я и теперь стараюсь не расставаться с картиной; как видишь, даже сейчас забрал ее сюда, с собой.

– Интересно, кем была эта женщина? В каком веке она жила? – вздохнула Ольга. – И сколько поколений нас от нее отделяет – каких-нибудь десять-двенадцать женщин? Если вдуматься – не так и много...

– Знаешь, мне кажется, она чем-то похожа на тебя, – улыбнулся Сергей.

Ольга пожала плечами – все женщины похожи друг на друга, в конце концов, мы все дочери Евы.

– Хотя нет, ты ни на кого не похожа! – Сергей обнял ее.

– Точно! Такой несносной и глупой, как я, нет, не будет, да и не надо! – Ольга рассмеялась, темные кудри упали на обнаженное плечо. – А все-таки частица той женщины, несмотря на разделяющее нас время, есть и во мне! И часть меня останется в других девушках, которые будут после меня, даже через сто лет. Хотя лет через сто, наверное, все будет совсем по-другому? Это же спустя целую вечность! А как ты думаешь, что она видит в этом окне? Может, высматривает своего возлюбленного, который ушел на какую-нибудь очередную войну, ждет его?! Вот в этом-то все женщины и схожи. Вы уходите, а мы остаемся вас ждать.

* * *

В двадцатых числах октября осень сломалась – ночи теперь стали совсем холодными; в доме было промозгло и холодно, да и доставать продукты становилось все сложнее. Правда, их отчасти выручали живущая по соседству молочница и старый сад, где росли яблоки и груши.

Сергей обычно приносил из сада целую россыпь краснобоких яблок; брызгала тонкая кожица, яблоко взрывалось во рту сладчайшим, с легкой кислинкой вкусом, и по всей комнате плыл яблочный аромат.

– У нас здесь просто яблочный рай, – как-то сказала Ольга, вгрызаясь в крутой яблочный бок, – но знаешь, я не очень люблю их грызть! Привыкла к нарезанным, нам с Ксютой мама всегда нарезает.

Сказала и забыла; а утром вышла на кухню и увидела – на столе стояли букет георгинов, ее любимый кофе в чашке и большая тарелка аккуратно нарезанных яблок.

– Ешь, Леля, – улыбнулся Сергей. – Еще добыл молока у молочницы, и, боюсь, это все, чем мне сегодня удалось поживиться.

В тот же день они узнали новости из Петрограда – революция, большевики, – и это означало только одно.

– Нам надо вернуться в город, – сказал Сергей.

В ночь перед отъездом Ольге долго не спалось. Огромная луна заглядывала в окна, рассеивала молочную свою меланхолию.

Как была – в легкой белой сорочке, лишь набросив шаль на плечи, Ольга вышла из дома в осенний сад. Деревья в саду полыхали красным пожаром, как все вокруг этой красной осенью. Ольга зябко поежилась; первые морозы подбирались, и в воздухе стоял горьковатый запах ритуальных осенних костров. Ей так хотелось навсегда остаться здесь, в доме, спрятать Сергея, оградить его от возможной беды.

Из дома выглянул Сергей:

– Леля, вернись в дом, простынешь!

– Еще минуту! – попросила Ольга.

Сергей вышел, спустился к ней на крыльцо.

В тишине лунной ночи раздался звук упавшего в траву, припозднившегося до холодов яблока.

* * *

Вернувшись в Петроград и войдя в квартиру, они увидели, что в комнате все перевернуто вверх дном.

– Кажется, в наше отсутствие у нас побывали гости, – усмехнулся Сергей. – Как хорошо, что я не оставил картину здесь.

На полу, среди прочих разбросанных вещей, валялись сломанный штатив Сергея и фотокарточки Ольги. Оглядев этот бардак, предвестник того хаоса, в который погружались город, страна и их собственные судьбы, и поняв, что среди прочих мало-мальски ценных вещей воры унесли фотоаппарат Сергея, Ольга заплакала.

Сергей обнял ее:

– Ну что ты, ничего не случилось. Подумаешь, фотоаппарат украли, не велика потеря! Потом разживемся новым.

Ольга взяла руку Сергея, поднесла к лицу, провела, как любила, тыльной стороной ладони по своей щеке:

– А что дальше, Сережа? Что нас ждет?

– Будем жить, – улыбнулся Сергей. – Ты же нагадала нам на кофейной гуще и детей, и внуков, и долгую счастливую жизнь!

К вечеру в комнате прибрали, расставили вещи по местам, сели пить чай. Сергей сказал, что больше всего переживает теперь за картину – не ровен час украдут! – времена нынче смутные, и кто его знает, что может случиться.

– Я бы хотел ее сохранить, – признался Сергей.

Ольга задумалась – как сберечь безусловный шедевр в окаянные дни? – и поняла, что сейчас ей пригодятся те уроки рисования, которые она брала в ранней юности. Несмотря на то, что ее мечта стать большим художником не осуществилась, она все же была искусной рисовальщицей, к тому же знакомой с азами реставрации картин; ее мастерство должно было помочь спасти и сохранить картину.

На следующий день Ольга принесла из родительской квартиры свои лучшие масляные краски.

– Сережа, я нанесу поверх полотна второй слой и спрячу твою незнакомку до лучших времен! Я смогу превратить ее в такое безобразие, на которое не польстится даже самый неискушенный в живописи воришка!

Увидев озадаченный взгляд Сергея, Ольга заверила, что зарисует картину так бережно, что та не пострадает, и что впоследствии этот нанесенный верхний слой можно будет снять путем несложной реставрационной техники. Осторожно, так, чтобы не повредить шедевр, она зарисовала картину, нарочито стилизуя ее под неумелый детский рисунок со смешным нелепым попугаем.

– Ну хоть на это-то моего сомнительного дарования хватило, – усмехнулась Ольга, закончив работу. – Посмотри на эту безобразную мазню! Мой старенький учитель рисования, бывший преподаватель Академии художеств, теперь упал бы в обморок! Знаешь, я сейчас чувствую себя варваром, испортившим шедевр! И как же я хочу поскорее освободить твоё голландское чудо из этого птичьего плена!

Сергей взглянул на залихватского пестрого попугая, возникшего, казалось, из ниоткуда, и вздохнул.

Ольга коснулась его руки:

– Я знаю, что ты будешь скучать по своей незнакомке, но ведь она так и осталась здесь, с тобой!

* * *

Между тем город все вернее погружался в хаос. Это было странное время, словно бы над Петербургом, превратившимся в Петроград, теперь вихрились и сгущались темные тучи; повисшее в воздухе напряжение было сродни сверхмощной пружине, закрученной до масштабов страны. И было ясно, что если она рванет – разнесет все вокруг, и последствия отзовутся не то, что во всей стране, а и в мире. Красные знамена, баррикады, пламенные ораторы на улицах – градус кипения повышался.

Ольга старалась в эти беспокойные дни делать что могла, то, что вообще может делать женщина в дни бедствий и смуты; создавала посреди хаоса теплый и, насколько это было возможно, комфортный мир для человека, которого любила. Она продавала те ценные вещи, что у них были, выменивала, добывала еду, варила, стирала. Ее Сережа, фотограф-идеалист, чудак, оказался не слишком приспособленным к будничной жизни, и она находила свое предназначение в заботе о нем: наладила его быт, поддерживала душевный покой. Правда, последнее давалось ей куда сложнее, чем супы и стирка. Сергей казался не просто печальным, а потерянным, неприкаянным, он перестал улыбаться, утратил интерес и к книгам, и к прежним увлечениям, и все время о чем-то сосредоточенно думал. Какая-то серьезная, тяжелая дума лежала у него на душе камнем. Этот Сережин камень давил и Ольгу.

– Вот странно, Леля, – однажды сказал Сергей, – я никогда не был так счастлив, как сейчас, и одновременно с тем так растерян.

Ольга кивнула, понимая, о чем он говорит, она и сама чувствовала растерянность, а кроме того, страх. Ольга боялась, что однажды Сергей с его растворенным в крови природным рыцарством, с присущим ему идеализмом, с книжными представлениями о доблести и чести, скажет, что он сделал выбор.

И вот это случилось.

В тот день, в конце ноября, Ольга, раздобыв немного муки и картошки, вернулась домой. Когда стоявший у окна Сергей повернулся к ней, Ольга уже обо всем догадалась; в его глазах застыла решимость и глубокая печаль.

«Вот оно, – обмерла Ольга. – Сейчас он скажет».

Спокойным, негромким голосом Сергей сообщил, что он примкнул к Белому движению и вступил в Белую Добровольческую армию.

– Сережа, ведь ты не военный, ты фотограф! Ну какая армия?! Ты можешь и должен заниматься наукой, изобретать оптику, объективы, что там еще, – от отчаяния она запнулась и бессильно выдохнула: – Я не знаю!

Сергей улыбнулся:

– Я мужчина, Леля, и я все решил.

Ольга взмолилась:

– Брось все, умоляю тебя! Мы уедем из России, убежим за границу, продадим эту картину, у нас будут деньги, я все устрою!

Сергей молча обнял ее.

Ольга замолчала: вот это все, о чем она сейчас говорила, все, что она для них намечтала – спасение, счастливая жизнь, – невозможно. И никакая сила их любви не заставит Сергея переменить решение. Да и нет у нее права его уговаривать, испытывать его любовь; ведь она и любит его таким – рыцарем чести, который не может поступить иначе.

– Я должен уйти, Леля.

– Когда? – вздохнула Ольга.

– Завтра утром.

Ольга ахнула – завтра, уже завтра, так быстро.

Сергей протянул ей мешок, в котором хранил свои драгоценные – осколки прошлой жизни – вещи: серебряное зеркало и зарисованную картину. Сбереги, Леля!

– Я сохраню! – твердо сказала Ольга.

Сергей вложил ей в руку свой деревянный нательный крест:

– Пусть он тоже будет у тебя. Вернусь – отдашь.

Тогда Ольга сняла свой маленький золотой крестик и надела его Сергею на шею.

– Нельзя, чтобы человек жил без креста, Сережа, носи мой.

Ей хотелось собрать его в дорогу, да сборы оказались недолги.

– Что там собирать? – улыбнулся Сергей. – Твои фотокарточки я уже сложил!

Ольга проверила его одежду; заметив, что одна из пуговиц на шинели Сергея едва держится, она взяла иголку, нитки и, смахивая слезы, стала пришивать эту пуговицу. В какой-то миг она не выдержала – зарылась лицом в его шинель; уколотый иглой палец, хлынувшие градом слезы, невзрачная дешевая пуговица, которая для нее дороже всех богатств мира. Тише, тише, нельзя, чтобы Сергей видел ее слабость – ему и так нелегко. Она накрепко пришила пуговицу: вот, Сереженька, так лучше.

Сергей привлек ее к себе и потянул на кровать – времени мало, Леля! Времени теперь так мало, нужно быть экономными.

За окнами стемнело.

Ольга встала, зажгла свечу и поставила ее на окно. Проходя мимо зеркала, она не удержалась, глянула в него, пригладила гребешком растрепавшиеся волосы (пусть Сережа запомнит ее красивой!), нанесла на шею пару капель духов из хрустального флакона, стоявшего на столике, и вернулась к Сергею.

– Я всегда угадываю тебя по этому запаху! – улыбнулся Сергей. – Так пахнут красные, раскрывающиеся на морозе гвоздики, хотя я слышу в этом запахе еще какие-то цветы. Может быть, весенние, пробивающиеся к солнцу ландыши?

Ольга покачала головой:

– А говорил, что стихов не пишешь и даже не читаешь! Да у тебя душа поэта, Сережа! Эти духи на мой прошлый день рождения, два одинаковых флакона, нам с Ксютой подарил папа.

Сергей обвел глазами комнату:

– Я бы хотел запомнить, сберечь навсегда этот твой неповторимый запах гвоздики, те осенние листья в Летнем саду, луг в Павловске, серебро Фонтанки. Сохранить бы это все, сфотографировать на пленку памяти! Впрочем, Бог сохранит за нас. «Deus conservat omnia» – Бог сохраняет все!

Ночь опустилась на город, такая черная и глухая, словно это была последняя ночь на земле. И только свеча, маленький, жалкий огонек на окне, потрескивал, бился, изо всех сил стараясь привнести в эту темноту что-то живое и теплое.

Сплелись телами, сердцами, всей нежностью, а после Сергей баюкал Ольгу на руках, как младенца в колыбели.

Мир вокруг них рушился, и любовь в эти темные дни была так некстати. Она лишала сил, инстинкта самосохранения, который сейчас был нужен как никогда; и все-таки она была, существовала вопреки всему.

Все эти революции, назревающая гражданская война – да какое это сейчас имело значение?

Длилась ночь, время текло бесконечно, перетекало из века в век.

Если заблудиться – проскочить по векам, можно было увидеть, как сто лет спустя другой мужчина в том же городе качает на руках другую женщину: Леля-Сережа, Данила-Лина, тысячи вариаций – для неба не так важно. Важно, чтобы это продолжалось – длилось в веках.

Утром Ольга выпросила у Сергея разрешения проводить его – пройти с ним пару кварталов. На рассвете они вышли в спящий, смутный город.

Ее любимый Петербург, где она с детства знала каждую улицу, всех ангелов и львов, теперь казался чужим, враждебным, страшным, словно все адресованные ему проклятья и апокалиптические пророчества свершились. Вдоль набережной Фонтанки они дошли до моста, против которого стоял дом, где жили родители Ольги.

В той прежней жизни, после бесконечных прогулок по городу, Сергей всегда провожал барышню Лелю до этого места.

Ольга вздохнула: да было ли это когда-нибудь? Прошрое теперь осталось так далеко, словно бы то была другая река, другой мост, другая девушка, а не эта женщина, опаленная бедой и непомерной тяжестью разлуки.

Они остановились у моста; Сергею нужно было перейти на другую сторону реки. Ольга видела, как ему сейчас трудно, как напряжено его лицо, как иногда у него срывается голос, как он пытается улыбнуться и подбодрить ее и как тяжело ему даются эти усилия.

– Ну, Леля, дальше тебе идти не нужно, простимся здесь, – сказал Сергей. – И вот что... Ты теперь, пожалуйста, возвращайся к родителям, живи у них, мне так будет спокойнее.

Ольга кивнула.

Произнесли на два голоса заклинание «Береги себя!», перекрестили друг друга, поцеловались, обнялись и – разорваны, разъяты.

Сергей перешел мост; серенькая Фонтанка, как Лета, разделила их.

Ольга долго смотрела ему вслед, пока он совсем не растворился в этом туманном, сыром городе.

Вернувшись в квартиру, она подошла к окну в спальне; ей почему-то казалось важным постоять у окна, словно бы это как-то продляло присутствие Сергея в их опустевшей комнате, где еще звучали его слова: «Deus conservat omnia».

Глава 4

Красные пожары

Ольга выполнила данное Сергеем обещание – вскоре после их прощания она оставила съемную квартиру и вернулась в отчий дом. Старшие Ларичевы были рады возвращению непутевой дочери, а вот Ксения встретила сестру враждебно.

– Ты мне, кажется, не рада? – прямо спросила Ольга.

– Как ты могла так поступить с Колей? – вздохнула Ксения. – Сломала ему жизнь своей злой шуткой и бросила его!

Ольга тут же вспыхнула:

– Ну так тебе теперь дорога открыта! Бери своего Колю, он совершенно свободен!

Ксения закрыла лицо руками.

Увидев неподдельное отчаяние сестры, Ольга тут же бросилась к ней:

– Прости меня!

Ксения вздохнула:

– Ничего! Я рада, что ты вернулась.

Сестры обнялись.

...Прошлые привычки облетали, как осенние листья; перевелась привычка подавать к утреннему чаю булки и варенье, захаживать в любимую кондитерскую по субботам, покупать книги, заказывать у портнихи новые платья, бегать в синематограф. Сестры относились к происходящим переменам спокойно, как к сезонным изменениям: «Мы же отказываемся от традиции летних чаепитий на дачной веранде осенью и зимой? Ну так и сейчас – временные перемены!» Ольга, правда, сетовала на то, что ее любимый крепкий (чтобы аж зубы сводило) кофе, пришлось теперь заменить на желудевую или ячменную бурду; все остальные лишения, включая даже отсутствие новых платьев и книг, барышни сносили stoически.

По утрам мама с Ольгой отправлялись, как они говорили, «на охоту»; еду теперь приходилось выменивать и добывать.

– Добыла дрянь-селедку и гнилую картошку! – как-то сказала вернувшаяся с рынка Ольга, показывая домашним свои «трофеи». – Больше ничего не смогла.

– А те деньги, что я тебе дал? – вздохнул отец.

– Деньги сейчас ничего не стоят, папа, – грустно улыбнулась Ольга. – Они превратились в фантики. Помню, мы в детстве с Ксютой играли в фантики и притворялись, что это настоящие деньги. Вот и теперь так.

– Они заигрались, – глухо сказал отец, – в солдатики, в фантики. Цена этой детской шалости – миллионы жизней.

– Кто «они», папа? – спросила Ольга.

Отец в ответ только махнул рукой и ушел к себе.

В отличие от своей супруги, не расстававшейся этой осенью с книгой Иова и находившей в происходящем религиозный смысл (мать считала, что у России, по всей видимости, есть некая искупительная миссия в этих посылаемых на ее долю неслучайных испытаниях), Александр Михайлович воспринимал все иначе. Он не видел в происходящем религиозного подтекста и, будучи человеком деятельным и прагматичным, искал варианты спасения семьи.

В середине декабря Александр Михайлович завел разговор об эмиграции – объявил домашним, что он все подготовил к отъезду и что до конца года им нужно уехать из России.

Выслушав отца, Ольга решительно заявила, что она никуда не поедет.

Александр Михайлович покачал головой:

– Оля, надо ехать, я все устроил. Поедем в Берлин, а там посмотрим. Прошу тебя, подумай хотя бы о сестре!

Ольга вздохнула: уехать сейчас, когда от Сергея нет никаких известий? Это невозможно!
– Я не поеду, – отрезала Ольга. – Вы поезжайте, я остаюсь.

Мать смотрела на старшую дочь – зная ее характер, понимала, что уговаривать упрямую Оленьку бесполезно – вы хоть режьте ее! – не отступится.

– Тогда будет так, как скажет Ксюта, – рассудил отец. – Ольга сделала выбор, но у Ксюты своя жизнь.

Ксения сжалась – домашние смотрели на нее, ожидая ответа, а она была не готова взять на себя миссию вершителя судеб.

– Я думаю, что если Оля остается, то и нам нужно, – наконец сказала Ксения, – в трудные времена надо держаться вместе.

– Значит, мы все остаемся, – заключила мать.

– Ну, так тому и быть, – пожал плечами отец.

В тот зимний вечер, когда, как потом оказалось, решилась их судьба, они все вместе сели пить чай. Ксения играла на рояле, Ольга пела.

На улице шел снег, а в окна уже заглядывала зима и будущие потрясения.

* * *

От Сергея по-прежнему не было известий. Ольга тосковала и отчасти находила утешение в картине Сергея – держала ее в руках, разговаривала с ней, словно бы картина эта была иконой и неким сакральным, связующим их с Сергеем предметом.

Тогда в октябре, зарисовывая полотно, видя, как постепенно, мазок за мазком, волшебный свет тускнеет и гаснет под ее рукой, Ольга чувствовала настоящее отчаяние; и позже, когда пронизанная светом незнакомка на картине окончательно исчезла, Ольга какое-то время не могла соотносить новое изображение нелепой птицы с бесценным полотном. Однако вскоре она научилась смотреть поверх нанесенного слоя, научилась мысленно счищать наносное и лишнее, проникать вглубь полотна и видеть тот самый необыкновенный свет, мастерски переданный старым мастером. Со временем, запечатленная у окна незнакомка, стала для Ольги все равно что подругой или сестрой – она так же стояла у окна, всматриваясь куда-то в даль, как это днями напролет делала и Ольга, высматривая Сергея.

Отсыпал снегами декабрь, и год, такой сложный, никем пока непонятый, уходил.

Этот новогодний вечер не был похож на праздник – впервые в доме Ларичевых не было шумной суеты, праздничных приготовлений, наряженной елки. Отец приболел, мать переживала за него, и спать старшие Ларичевы ушли непривычно рано. В холодной, нетопленной гостиной остались только сестры с лохматенькой Нелли.

Ольга разжигала печку, чтобы обогреть комнату, когда прозвенел дверной звонок. Ксения помчалась в прихожую и вскоре вернулась в комнату.

– Оля, к тебе пришли!

– Кто?! – ахнула Ольга, первым делом подумав о Сергее.

– Твой давний поклонник Клинский, – тихо сказала Ксения, – ты еще замуж за него собиралась, что, неужели не помнишь?

Ольга и ответить не успела, как в комнату заглянул безнадежно забытый ею кавалер из казавшегося теперь таким далеким прошлого.

Но ей, в сущности, и вспоминать-то было нечего – с тридцатилетним Евгением Клинским ее особенно ничего не связывало, разве что он за ней когда-то ухаживал, а она в шутку делала вид, что принимает его ухаживания, но было это все задолго до встречи с Сергеем.

Евгений ей вообще никогда не нравился, и дело было даже не в его заурядной наружности (у Евгения Клинского была такая внешность, словно бы ему при рождении кто-то провел

ластиком по лицу и стер какие бы то ни было индивидуальные признаки – размыл, приглушил черты лица, сделав его совершенно незапоминающимся); Ольгу отталкивало поведение этого человека, его манера держаться, его отношение к людям. Внешнюю блеклость Клинский компенсировал другим – в нем с избытком присутствовала ирония, самоуверенность и поразительное умение все и всегда обернуть себе на пользу (кстати, эту особенность Евгений, один из лучших адвокатов города, прекрасно использовал в своей профессии).

– Какая же вы легкомысленная, Оленька! – с насмешкой сказал Клинский, входя в гостиную. – Замуж за меня собирались, в итоге вышли за другого, потом стали жить с третьим, до чего же ветреная барышня!

– А, это вы! – сморщилась Ольга. – Так вы явились читать мне нотации?

– Ну помилуйте, Леля, кого заинтересуешь нотациями? – хмыкнул Клинский. – Я пришел поздравить вас с Новым годом, принес вам продукты.

Он поставил на стол увесистый мешок и деловито перечислил:

– Здесь сахар, крупа, масло, окорок и даже шоколад.

Ольга бросила на Клинского мрачный взгляд и ответила с убийственной иронией:

– Это все лишнее: и крупа, и окорок, и «даже шоколад»! Заберите, пожалуйста, и больше не носите. Мы не голодаем!

– Гордая, значит? – усмехнулся Клинский. – Ну-ну, не пожалейте, Оленька.

Он развернулся и вышел из комнаты.

– Ух, как ты его срезала! – улыбнулась Ксения.

– Ненавижу таких, как он! Знаешь, он совершенно непотопляемый, этот тип прекрасно устроится при любых режимах и останется самодовольным и сытым. И профессия у него подходящая – адвокат! Про него говорят, что он черта оправдает, если тот ему хорошо заплатит.

От такого, как он, принять окорок с шоколадом – последнее дело. Хотя, может, и надо было взять у него продукты, – вздохнула Ольга, – родители бы поели. Что ж – ладно!

Ольга растопила печь, погладила крутившуюся рядом Нелли и подмигнула Ксении:

– Ну что, сестра, будем с тобой вдвоем встречать Новый год? Правда, стол у нас скудный, ни окорока, ни, что ты будешь делать, шоколада! Но у нас есть хлеб, картошка и дрянь-селедка, живем, сестрица! А главное, у нас есть мамина вишневая наливка!

Сестры расположились на своем любимом широченном подоконнике; простенькая новогодняя закуска, рюмочки с наливкой, слабенький чай в чашке у Ксюты, желудевый кофе у Ольги.

За окнами хлопьями валил снег, через мост переходили какие-то люди в шинелях и с ружьями.

– Сейчас бы положить на тарелку кусок любимого «Пирога Двенадцатой ночи», с засахаренной, огромной – с дом! – вишней! Кладешь вишню в рот, а она тает-тает, – улыбнулась Ольга. – Сколько себя помню, мы всегда заказывали этот пирог на Рождество и Новый год! А теперь кондитерская наша закрыта, может статься, что и навсегда. Эх, вернуться бы в прошлое, я бы у них съела все пироги, а уж кофе напилась на всю жизнь, целую реку бы выдула. Ах, Ксюта, какая это радость – сидеть в кондитерской, пить кофе и просто глазеть в окно. Так подумать, жизнь вообще состоит из маленьких радостей и большой беды!

– От Сережи так и нет известий? – тихо спросила Ксения. – Беспокоишься за него?

Ольга сникла, о Сергее она знала лишь, что он где-то на Дону с Белой армией.

– Да, переживаю, потому что знаю – он не станет себя беречь, – Ольга махом опрокинула рюмку с настойкой. – Сергей – заблудившийся в веках рыцарь, и он, конечно, будет сражаться до конца. А ты, Ксюта, беспокоишься за Колю?

– Я боюсь за него! – кивнула Ксения. – Они с Сергеем оба рыцари, просто верят в разное, сражаются каждый за свою правду и умереть готовы каждый за свое, но суть у них одна и та же.

Ольга проводила глазами очередной отряд красноармейцев с ружьями, переходивших мост, и покачала головой:

– Что же это за правда такая, что у каждого она своя? Так не может быть, не должно, правда одна – безотносительная, абсолютная!

– И в чем она? – вздохнула Ксения.

Ольга горько улыбнулась:

– Вот этого я не знаю!

Потрескивало пламя в печи, за окнами разыгрывалась уже настоящая выюга.

Ольга глотнула кофе, такой горький, что, казалось, горше этой желудевой пакости уж ничего не бывает, и поежилась – несмотря на печь, в комнате все равно было холодно.

Ксюта поправила сползшую с плеча сестры шаль:

– Все хочу спросить, Оленька, где твой крест?

– Отдала Сергею.

– Так надо купить тебе новый, – вскинулась Ксения, – хочешь, я завтра в церковь...

– Я больше не верю в это, – решительно прервала Ольга, – Этот ваш Бог... Кого и от чего он уберег?! Не верю в него. Кончено!

– Какие страшные слова, – ахнула Ксения, – Оленька, тебе не надо больше пить маминой наливки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.